

Родился в 1987 году в Северном Казахстане. С конца 90-х годов переехал на юг Казахстана, с 2005 года жил и работал на границе Казахстана и Кыргызстана (с. Кордай), с 2014 года — в г. Бишкек (Кыргызстан). По образованию — журналист. Отработал 7 лет главным редактором двух газет, год — редактором интернет-издания. Стихи пишу около 10 лет. Своих книг не издавал. Участник и победитель нескольких международных литературных конкурсов (г. Москва, г. Бишкек, г. Костанай, г. Одесса, г. Нижний Новгород). Сборник ранних стихов внесен в электронную библиотеку «Новая литература Кыргызстана». Произведения публиковались в нескольких конкурсных сборниках поэзии и прозы (г. Бишкек, г. Нижний Новгород).

ПЕРЧАТКИ

Забыли перчатки в редакции сельской газеты.
Забыли на стуле перчатки с оленем, на мальчика,
Непрощено брошены, капельки снега согреты,
Петелька и дырочка у безымянного пальчика.
Печатают клавиши: женщина, роста такого,
Такого-то возраста, с домом, без вредных привычек.
Придет через месяц, бормочет наборщица, снова
В курилке тряся коробок и оставшись без спичек.
Сгорают в печи, зажигая лучинку, офсеты.
Забыли перчатки в редакции сельской газеты.
Морозное солнце глядит в конуру на закате.
Бредут по планете без вредных привычек скитальцы
По парам: одна поправляет ненужное платье,
Другой в кулачки зажимает озябшие пальцы.

МЫ ПРИШЛИ К ГУБЕРНАТОРУ КРАЯ ЗЕМЛИ...

Мы пришли к губернатору края земли —
Васильки на погонах, ботинки в пыли.
В вестибюле лежала большая комета,
И по воздуху плыли и меркли вдали
Корабли за чертой турникета.
В темноте кабинета шел медленный снег,
На скамейке под лампой сидел человек,
Он разглядывал письма и детские книжки,
Говорил сам с собой о течении рек
И счастливом влюбленном мальчишке,
И глядел в нас насквозь, босиком и крылат,
И поставил печать, и велел всех солдат
Разместить, переплавив ножи и медали,
Ближе к снам матерей, потеплей, где закат.
И велел, чтоб о нас вспоминали.
Васильки на погонах, ботинки в пыли,
Мы по воздуху плыли и меркли вдали.
В темноте кабинета шел снег.

ПАПА ПОСТАРЕЛ НЕ ТАК, КАК МАМА

Вылезая в гости, из-под хлама,
Вдруг поймешь, что вот, какое дело —
Папа постарел не так, как мама,
Хоть она и просто не успела.

В старом доме снег идет на кухне,
Макаронным хрустом сыплет время
Над кастрюлей. Снег идет и тухнет,
Все отцу на голову, на темя.

Семя, вымя, имя, стремя, пламя.
Ничего тебя и не коснется.
Папе постареть — не так, как маме.
Папа топит баню и смеется,

Только чаще курит, только больше
Смотрит в телевизор, только мимо,
Ходит за дровами чаще, дольше.
Папа постарел неумолимо.

Стол твой ученический в сарае
И «Литературу» — брал на лето —
Курица-несушка обживает.
Поглядела мама бы на это.

Карлик из «Руслана и Людмилы»
Был преподавателем у папы.
Лески, бутафор, ч/б, стропила,
Хочется вцепиться крепко в лапы

Времени, но дети инженера,
Кубики из супа девяностых,
Знают «Отче нашим» эти меры
Так, как потолок не знает роста

Крылья расправляющих и кости
Сыновей, что едут из-под хлама
В гости, но домой. Домой, но в гости.
Поглядела бы на это мама.

ДОЖДЬ ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ

Дождь по понедельникам другой,
Воздух пахнет воздухом, иначе —
Будто спит, ходя во сне, нагой
По господней васильковой даче.
Жмет кольцо Сатурна на груди.
Март обтянут кожей и рогожей.
Что-нибудь, похоже, впереди,
Позади, похоже, что-то тоже,
И посередине — человек,
Дышит, на крыльце, на самом деле:
Будто у соседей варят снег.
Самый первый. В первый день недели.

Подземку в суете пересекая,
Вдруг вздрогнешь весь, на выходе, от боли:
О, как похожа женщина слепая
На первую учительницу в школе.
И очередь стоит за шаурмой,
Танцует невпопад глухонемой,
На грудь повесив радиоприемник,
И ты, как сторож, загнанный в питомник,
Против две смены наглухо, подряд,
И так, как будто сам перед собою,
Не знаешь, перед кем ты виноват.
И розовой обветренной рукою
Под ребрами царапает закат,
И свадебный кортеж гудит под дых,
И пахнет снегом дым от выхлопных.

ЧЕТЫРЕ БУКВЫ

Четыре буквы. Два смыканья губ.
Три четверти хвоста большой кометы,
Сто тысяч песен водосточных труб.
Одно сердцебиение планеты.

Четыре буквы. Кончены дела,
И гаснет свет, и тени множат в доме
Бездонный сумрак каждого угла,
И пол плывет, как будто на пароме,

И звезды, на стекле окна горя,
В полночный бархат метят якоря,

И вроде все на месте, но вокруг
Чего-то не хватает, будто в мире,
Вместившемся в тебя, ты видишь вдруг
Четыре буквы, и они, четыре,
Тебе когда-то давших тридцать три,
Шумят в тебе, как в брошенной квартире
Шумят слова за кухонным столом,
Средь разной суеты, бумаг и хлама,

Как поле васильковое внутри.
Простым, хорошим, теплым словом «мама».